

ТЯГА К РЕЧИ. ИМЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ: ВЛАДИМИР КАРПОВ

Единственный прижизненный сборник стихов Владимира Александровича Карпова называется («назвался», по словам автора) «Амальгама» (Минск, 2000). Амальгама, зеркало, отражение, отзвук, эхо...

Стихи — «отпечатки жизни», как сказано в аннотации на книгу (по сути — на книгу книг, ибо в ней — наиболее значимые для поэта циклы, каждый из которых может быть представлен полноценной книгой; у Карпова неизданных стихов на добрый десяток «амальгам»). В данном случае это именно так: отпечатки. Простые слова и простые выражения у Карпова, поклонника-соперника поэзии Серебряного века, переосмысливаются, получают эстетическую огранку и перестают быть «простыми», становятся «золотыми», «серебряными» — драгоценными, поэтическими, содержащими отражения, отзвуки...

Вовсе не случайно эпиграфом к книге избраны строки Пастернака, знакового поэта Серебряного века: «Давай ронять слова...» Пастернаковский завет становится не легкомысленным поэтическим принципом, а чем-то судьбоносным. Тяга к речи, стремление ронять слова — это всегда на роду написано.

Вообще пастернаковское влияние явно ощутимо в поэзии Карпова, особенно в 70-е гг. XX в. И сама логика эволюции поэта Карпова (в миру — профессора) отчетливо пастернаковская: от замысловатого плетения словес — к той простоте, которая стремится стать выражением глубины. От простоты, сокрытой (кокетливо и вместе с тем беспомощно) витиеватым поэтическим плющом, к простоте как свойству глубины: вот такой эволюционный архетип, который, возможно, является универсальным для всех поэтов. Только один пример из стихотворения 1973 г., посвященного Ю.М. Лотману.

И рос Кавказ алмазом юга,
а север, уходящий в тень,
кристаллизировал заслуги
на ледяном своем щите.

Сполохов пламя, день полярный,
и ночи юга, южный день —
взаимно перпендикулярны,
но не равны по высоте.

В.А. Карпов как-то послал свои стихи Ю.М. Лотману и получил вполне благожелательный отклик. С тех пор Владимир Александрович «легально» почувствовал себя поэтом (хотя как поэт он жил всегда), но никогда не делал поэтическую карьеру. А вот это уже не жест, не ложная скромность, имеющая целью привлечь внимание: он не разменивался на мелочи, жил «по-крупному», то есть живя сиюминутным, протягивал руку вечности. Самое

поэтическое на свете дело. Ты «роняешь слова», «рассеянно и щедро, едва, едва, едва», а они почему-то бронзовеют.

Вот и второй сборник стихов В.А. Карпова «Дао» состоит из книг — из шести книг, судя по содержанию. «Дао» по-китайски — путь жизни; перед нами пунктиром очерченный путь беспокойного поэта, уже принявший очертания судьбы, в которой невозможно ничего исправить (судьба стихов — это уже совсем другой «дао»). Но судьбу можно не только предсказывать, ее можно читать, и это одно из самых увлекательных занятий, если творец собственной судьбы был честен и талантлив.

Поэту Карпову важно, чтобы в его книге присутствовал некий смысловой сюжет, то, что можно назвать «поэтической философией» («Путь жизни в Китае — это целая философия», — сказано в авторской аннотации): философия зеркала (эха...), философия пути.

Этот путь — до предела прямой,
поворотами он не изломан...
Дао — это дорога домой.
Даже если ты дома...

(«Дао»)

Собственно, «дао» можно интерпретировать как путь к себе, как постижение себя.

А интерпретировать и постигать — это подлинно карповская стихия.

Первая книга «Дао» называется «Начала», и координаты начал указаны вполне по-философски: «меж музыкой и тишиной».

И все, что стало только мной, —
ютилось с сердца замираньем —
— меж музыкой и тишиной —
двумя нетленными мирами.

(«16 марта 1940»)

Музыка и тишина рожают смысл, который завораживает поэта. Эхо дао?

Карповские метафоры всегда легки, принципиально воздушны, невесомы — и насквозь экзистенциальны, лишены пустоты:

Путь облака нам кажется чужим,
чужая боль не вызывает эхо.

.....
Оставленная кем-то книга
под серым куполом небес
дышала вечностью и мигом
одновременно, вся в себе.

(Цикл «Откровение»)

Все это было, было, было.
Сомненья, вечные вопросы.
И время видело чернила
и на стихах, и на доносах.

(Цикл «Все это было, было, было»)

Что постулаты в латах догм
безбожно куцых?

Две параллели хоть с трудом —
— пересекутся!!!

(Цикл «Времена жизни»)

Страницы бытия листает ночь.

(Цикл «Все это было, было, было»)

Экзистенциальность — это и есть «одновременно» «вечность и миг». Как разглядеть и зафиксировать подобные ситуации? Этому не научишь. Дао начинается с дара разглядеть в жизни время, бытие, вечность.

У Карпова очень много посвящений — настолько много, что эти посвящения — фирменный карповский жест! — стали едва ли не элементом поэтической технологии: «благодарность всем, кто вызвал эхо», кто вызвал поэтическую реакцию. Ронять слова для друзей. Видно, такой дао: поэт умел жить среди хороших людей.

А вот и еще одна особенность поэтического мировосприятия. Во второй книге «Учителя» находим такие строчки:

Я в этой жизни кем-то был,
иль чем-то... Так материально
родство сегодняшней судьбы
со всем былым материалом.

(Цикл «Метаморфозы»)

Поэт умеет (тоже — дар!) ощущать себя звеном в бесконечной цепи мироздания. Эта особенность делает персональный дао безмерным, безграничным, космическим. Всеобщим. Дао — это все, пропущенное сквозь магический кристалл — себя, любимого, несчастного, страдающего, творящего — разноликого. Поэт действительно становится больше, чем поэт: он становится ровесником века, другом вечности, замороженным мигом одним. А дао становится пересечением космических трасс.

И еще. И третья книга «Ремесло», и четвертая «Чет и нечет», и пятая «Мое верую», и шестая «Мне говорят, что я не так живу» — каждая из книг, словно капля океана, содержит в себе сущностные признаки целой книги «Дао», а именно: философию пути. Каждая книга становится моментом целого. Зигзагом пути, если угодно. Здесь научно-диалектическая методология, которой профессор В.А. Карпов был большой поклонник, счастливо обрела поэтическую ипостась. Дао...

Своеобразная актуальность поэтического феномена видится Карпова в том, что он, будучи поэтом, не «зарегистрировался» как поэт, не формализовался — не спешил обнародовать, опубликовать свои стихи, весьма искусные и мастерские, но не бегущие впереди чувства, а едва поспевающие за ним, бьющим через край. Собственно, в лучших традициях мировой поэзии.

Безнадежно поучительная история. Сегодня все хотят, чтобы их считали поэтами, чтобы их заметили как можно раньше. Все страшно боятся опоздать. А ведь «не торопись, а то успеешь» никто не отменял. Поэты никогда не лезли на подиум толпами, они всегда выбирали органичную и приемлемую для них форму одиночества — свой дао. Исчезла мода на

поэзию (если она когда-нибудь была), появилась мода считаться поэтами. А ведь поэт и мода — две вещи несовместные, точнее, совместные в том смысле, что поэт может создать моду, но никогда не следует ей.

Что ж, и здесь Карпова легко отличить «по почерку», по стилю жизни, который становился стилем поэзии. По его дао.

Мы только начинаем понимать, какое продолжительное эхо может вызвать то, что действительно вобрало в себя «эхо жизни». «Большое видится на расстояньи» — с хорошими поэтами, и к сожалению, и к счастью, бывает именно так.

Эта небольшая заметка — тоже эхо. Отзвук заметного поэтического явления, которое не скоро затеряется именно потому, что не лезло в глаза, не мельтешило, вооружившись попсовым лозунгом «как все». В этом смысле царское безразличие к тому, ведают ли о тебе, достойном, вполне сопоставимо с поэтической наглостью. Нечто в духе дао.

В заключение — эхо, вызванное Пушкиным и странным образом аукнувшееся в судьбе поэта Карпова (дао?).

ЮНЫЙ ПУШКИН

Жизнь — что бочка данаид,
как ни наполнишь — все пустая...
Разлетелся год как стая
птиц к гнездовищам своим.

Стала инеем роса.
Стали сказки странной былью.
Аж до Африки доплыли
облака по небесам.

И забытые стихи
где-то что-то там нажали —
и, пожалуйста — Державин
оказался не глухим.

«Лиру — нате!» — говорит...
Где-то там еще хрустальный
голосок его *Натальи*?
Кровь, однако же, горит...

Ей еще не так гореть
на снегу нелепой речки...
А пока — была бы свечка,
Самовар, сверчок запечный,
десть, перо да тяга к *речи* —
после можно умереть.

Владимир Александрович Карпов ушел из жизни 23 января 2006 г.
Тяга к речи, запечатленная в его стихах, осталась.
Тяга к речи — дао — эхо...

